Зима в Италии.

Мы приехали в Италию в конце ноября 1989г. После месяца в чистенькой Австрии, где нас, с группой таких же эмигрантов из разных концов Союза, пристроили в пансионате в маленькой деревушке Оппониц, в Альпах, в 160 км от Вены (здесь

Пансионат "Tazreiter" в Оппонице, Австрия, ноябрь 1989г.

вершины высоких гор были уже чуть приодеты снежком, осень сверкала своими яркими красками и жители при встрече, пугая непривычной вежливостью, здоровались с нами при встречах на улице), Италия показалась какой-то запущенной, грязноватой и неуютной. Мы прибыли поездом, "сбежав" от метели в Вене (зима догоняла нас с самого отъезда из Москвы в конце октября), и, не доехав несколько станций до Рима, нас, целую группу эмигрантских семей, пересадили на автобусы (для безопасности - говорили, что была угроза нападения террористов), привезли в Рим и поселили в центре в старой, запущенной гостинице, недалеко от Колизея и других достопримечательностей "вечного города". Не знаю, как распределялись номера в этой гостинице, но нам достался темный, грязный и очень холодный номер в полуподвале, с маленькими окнами под потолком. Кроватей и никакой мебели вообще не было, матрасы лежали прямо на бетонном полу, в углу за невысокой стенкой был душ (из-за холода не пользовались) и умывальник, а туалет был в коридоре. Отопление работало только пару часов вечером, и в течение дня холод стоял невыносимый. Выбора, к сожалению, не было, пришлось довольствоваться тем, что было. В довершение всего жена простудилась, сказалось, видимо, то, что в поезде из Вены в Рим вагон, в котором мы ехали, не отапливался, мы на себя одели все, что было и всю ночь в холодрыге мерзли и практически не спали.

Нам объявили, что долго держать нас в этой замечательной гостинице не будут, и мы обязаны найти себе какое-то жилье в недельный срок. Рим нам не

светил из-за дороговизны, найти что-то в окрестностях было нелегко, незнание языка только усугубляло проблему. Я извлек из своего багажа пачку QSL с итальянскими позывными, захваченную в предвидении жизни здесь и, перебрав их, нашел пару карточек с римскими адресами. Разыскав в телефонной книге номера, принялся звонить с телефона-автомата в надежде получить какую-то помощь от местных любителей. Но мой расчет не оправдался. Одного я не нашел, другой долго не мог понять, что я от него хочу, мой (да и его) английский был очень слаб, да и просить, видимо, надо уметь. В конце концов я позвонил Борису, IK1APP, который отлично говорил по-русски и все понял, но он жил далеко на севере, в Турине, и тоже ничем не смог помочь. Чтож, сказал я себе, надеяться больше не на кого, придется устраиваться самому. Не буду описывать целую эпопею по поиску жилья, но, потратив массу сил и нервов, мы через несколько дней перебрались в маленький курортный городишко Неттуно, что находится в 60 км к западу от Рима на Средиземноморском побережьи. Там на деревьях висели хурма и апельсины, словно золотые шары на рождественской елке, днем было тепло на ласковом итальянском солнышке, а по утрам на зеленой траве уже выступала изморозь и небольшие лужицы подергивались ледком. Зимнее море было не очень приветливо, пляжи пустынны, и лишь изредка можно было увидеть гуляющих по белому песку людей, как правило, оказывающихся нашими земляками. Во время второй мировой войны в 1944г. в этих местах американцы высадили десант и потеснили немцев. Об этом сейчас напоминает мемориал и кладбище в соседнем городке Анцио, где захоронены погибшие американские солдаты. Жили мы в маленькой 12-метровой комнатушке вчетвером с женой, сыном и тещей, в трехкомнатном коттедже с каменными полами без отопления, в двух других комнатах жили еще две семьи таких же бедолаг-эмигрантов, в ванную комнату было попасть непросто из-за большого количества желающих, холодрыга стояла ужасная, подтапливались электрической плиткой, привезенной из Союза, температура в комнате была около 13 градусов, но, как ни странно, через короткое время это стало привычным. В большой кухне стояли 3 плиты и телевизор, и по вечерам там собиралась компания что-то посмотреть.

Мы ждали получения иммиграционного статуса и американских въездных виз, как и многие тысячи семей бывших советских граждан, скопившихся здесь. Это был обычный эмигрантский путь на Запад из СССР, за много лет ставший традиционным. Но все когда-нибудь кончается, закрывался и этот маршрут, и мы были из тех, кто успел вскочить на подножку последнего вагона уходящего поезда. Что ждало эмиграцию в дальнейшем, никто не знал, люди, которые медлили с отъездом по каким-то причинам, но уже имея документы, ринулись из Союза, боясь опоздать, и поэтому везде в пути мы попадали в длинные очереди, которых раньше никогда не было, и везде все было переполнено. Жили мы, как и большинство других, на небольшое пособие от эмигрантской организации “HIAS”, которого, впрочем, хватало на оплату очень скромного жилья и такого же питания. Пособие выдавалось в банке. Таких банков я не видел больше нигде. Здесь две двери, открываешь наружнюю и попадаешь в специальный тамбур, просматриваемый изнутри помещения полицейским. Войти не можешь, пока не закроется наружняя дверь. После этого ты открываешь внутреннюю, а наружная в это время блокируется. В тамбур можно войти максимум вдвоем. Точно также выходишь наружу. Вероятно, такие меры предосторожности были неспроста.

Дни бежали чередой, и, за исключением редких случаев вызова в Рим к “ведущей” по твоему делу, американский консулат на интервью или на

медкомиссию (без нее американскую въездную визу получить было нельзя, с какими-то серьезными болезнями типа туберкулеза отказывали), делать было особенно нечего. Раз в неделю можно было сходить на так называемую раскладку – рынок. Причем, у нас в Неттуно это было в среду, а в соседнем городке Анцио, кажется, в четверг. На обширном пространстве с раннего утра располагались передвижные лавки, лавочки и лавчонки со всякой всячиной на раскинутых столах и стендах, под навесами и без. Народ толпился и торговля шла бойко. Отдельно стояли продовольственные ряды, где можно было недорого купить, поторговавшись, овощи, фрукты, сыры, оливки, пряности, зелень и прочее. Кроме всего, здесь можно было встретить знакомых, поговорить и обменяться новостями.

Итальянского языка, за исключением нескольких слов и фраз, почти никто не знал, учили английский, без языка думать о какой-то работе, хоть и нелегальной, было нечего. Многие перебивались случайными приработками, на всех перекрестках дежурили дети и взрослые, подбегавшие при красном свете к автомобилям и мывшие стекла в расчете на вознаграждение. Все более-менее крупные и оживленные перекрестки были “разобраны”, между конкурирующими бригадами мойщиков бывали стычки, и найти хоть какое-то место было трудно. Наш молодой сосед по квартире ездил куда-то очень далеко автобусом, как правило, зайцем, уезжал чуть свет и возвращался затемно, очень уставал, но хвастался, показывая кучи мелочи, что зарабатывает 10-15 долларов за день (это представлялось очень приличным заработком!). На импровизированном “блошином рынке”, время от времени разгоняемом полицией, мы и другие эмигранты продавали какие-то вещи, взятые с собой для этой цели из Союза , как то бинокли, часы, фотокамеры, объективы, постельное белье, т.к. при выезде взять деньги с собой было невозможно, а обмен был мизерным. В свободное время бродили по улицам, заходя в магазины и глазея на обилие товаров, непривычное нашему глазу. Ездили в Ватикан и осматривали Рим, пораженные величественной красотой собора св. Петра и грандиозностью Колизея. Иногда заходили в порт, где было очень интересно бродить по причалам, вдоль которых стояли десятки и десятки яхт. Боже мой, каких только там их не было! От небольших, хрупких на вид до роскошных белых красавиц, что называется, с фонтаном и с садом на борту. Они стояли на якорях, покачиваясь на воде, иногда на борту что-то делали какие-то люди, не обращавшие на нас никакого внимания.

Была зима, мертвый сезон.

В один из таких дней мы с сыном набрели на дом, на крыше которого красовалась столь милая моему сердцу антенна Яги, явно радиолюбительского назначения. Мы спросили в лавке внизу, и нам сказали, что в доме живет некто Аделио, и это его. На звонок в дверь открыла женщина, которая, после долгих попыток объясниться, все же поняла нас, а мы ее, что Аделио сейчас нет дома. В следующий приход мы встретились, он оказался молодым, симпатичным парнем, с готовностью продемонстрировавшим нам свое хозяйство с позывным IK0JMS. Мне, никогда раньше не имевшему дела с “фирменной” радиолюбительской аппаратурой, все было внове. Общались мы сравнительно легко, несмотря на то, что он говорил по-английски не очень бегло, и мой английский был тогда тоже весьма несовершенным. Мы познакомились также с его родителями, Лаурой и Эннио, которые были ненамного старше нас с женой и, в отличие от сына, совсем не говорили по-английски. Нас пригласили к ним на Рождество, и мы прекрасно провели рождественский вечер в компании их и их друзей. Было очень много расспросов о самых разных вещах, они никогда прежде не встречались с людьми из

СССР и ничего не знали о жизни там. Это было очень трудно объяснить, не знаю, насколько нам удалось тогда, на чужом языке, как живут люди на другой планете Советский Союз, и почему оттуда кто-то бежит, бросив все нажитое за целую жизнь, и как можно платить за то, чтобы тебя лишили гражданства, и почему его лишали при эмиграции, и как можно было уехать с несколькими сотнями долларов в кармане в неизвестность, сжигая за собой мосты.

Через пару дней Аделио приехал к нам в хижину с визитом. Нам было очень неловко, когда мы его усаживали за колченогий стол с нехитрой закуской в нашей маленькой и тесной комнате. Он привез коробку с рождественскими подарками всем. Было очень приятно. Позже я побывал у него дома еще, послушал эфир, он также заезжал не раз на машине, мы ездили по городу и окрестностям.

Аделио, IK0JMS (слева) со своим отцом Эннио.

В один прекрасный день он приехал и сказал, что итальянское отделение Красного Креста, где работала его мать Лаура, может помочь какому-то ограниченному кругу наших эмигрантов, и, если это меня интересует, я могу собрать семей 20 и придти по нужному адресу. Там будет человек, говорящий по-английски, и мы получим продуктовые наборы. Конечно, меня это интересовало, мы, как и большинство эмигрантов, жили очень скромно на свое пособие. У нас уже был круг знакомых, в эмиграции люди быстро сближаются общими заботами, я всем сообщил, и мы быстро набрали нужное число, к сожалению, очень ограниченное. Придя туда, мы с еще одним парнем быстро разделались с необходимыми формальностями, и все получили свои коробки. В них была сухая колбаса, сахар, макароны, мясная тушенка в банках и что-то еще. Эта безвозмездная помощь оказалась очень кстати, меня все благодарили и я ходил в героях дня.

Мы тепло прощались с Аделио и его семейством, проведя долгих 4 месяца в Италии и уезжая в долгожданную Америку. Прошло 4 года, мы изредка переписываемся, получая неизменную открытку на Рождество и отсылая свою.

Аделио женился, прислал несколько фотографий, в том числе своего нового дома с антенным хозяйством. В эфире я его не встречал, как он пишет, он сильно занят и ему не до хобби, к тому же его лицензия не позволяет ему работать на 20м, где часто бывает прохождение, а другие диапазоны, как 10 и 15м сейчас практически закрыты. Когда-нибудь в будущем, надеюсь, мы встретимся вновь. А о днях в Италии мне постоянно напоминает подаренный Аделио бело-красно-зеленый вымпел Ассоциации Итальянских Радиолюбителей (ARI), который висит над моим столом.

© George Martin, N2HO 1994г., Нью-Йорк